ПРОЦЕСС ПРОТИВ МАЙСТЕРА ЭКХАРТА

М.Л. Хорьков

Инквизиционные процессы против богословов, не исключая самых известных и авторитетных, были в эпоху средневековья не редкостью. Например, в то же самое время, что и процесс против Экхарта (1326–1329 гг.), состоялся процесс против Уильяма Оккама (1324–1328 гг.). И тем не менее обвинение Экхарта в ереси представляется событием уникальным и беспрецедентным, так как это единственный случай, когда разбирательство завершилось, хотя и после смерти ответчика, обвинительным приговором и последовавшей за ним папской буллой *In agro dominico* от 27 марта 1329 г. Еретиками обычно объявлялись менее образованные и менее высокопоставленные в Церковной иерархии лица, которые – чаще всего неосознанно либо, наоборот, вполне сознательно – действительно были еретиками. Экхарт же еретиком не был. Он никогда не выступал против церкви и ее учения. Как правило, в подобного рода обвинениях в ереси, шлейф которых волочился за каждым сколько-нибудь известным богословом эпохи схоластики, чаще всего просто не видели повода для возбуждения инквизиционного процесса, как это имело место в случае Альберта Великого или Фомы Аквинского. Против Петра Оливи инквизиционный процесс тоже не возбуждали. При жизни мыслителя его дело разбирал лишь капитул ордена, т.е. все ограничивалось внутриорденской юрисдикцией и наложением дисциплинарных взысканий. Лишь много лет спустя после смерти П. Оливи некоторые положения его учения были осуждены Вьеннским Собором. Даже громкий процесс против Оккама, который все-таки начался и за несколько лет успел обрасти десятками томов протоколов, так и закончился ничем. Оккама не осудили, хотя и не оправдали; просто сочли целесообразным приостановить дело.

Начало процесса против Экхарта во многом явилось результатом случайного стечения неблагоприятных обстоятельств. В доминиканской среде у Экхарта оказалось много противников, завидовавших славе и популярности знаменитого богослова и проповедника.

Они стали собирать материал против Экхарта, в основном цитаты из его немецких проповедей, вызывавших недовольство своим далеко выходящим за рамки схоластических канонов стилем мышления и языка, ожидая удобного повода для обращения с обвинением к вышестоящим лицам. Имена двух наиболее активных противников Экхарта из числа его собратьев по доминиканскому ордену, представлявших интересы всей группы, известны. Это Герман де Суммо (фон Дом) в Кёльне и Вильгельм фон Нидеке в Страсбурге. Оба были довольно одиозными фигурами. "Акты" процесса называют их просто, но красноречиво *aemuli* ("завистники").

Герман де Суммо был сыном булочника при Кёльнском соборе; отсюда и его прозвище – "фон Дом". Сделавшись монахом доминиканского конвента в Кёльне, Герман де Суммо, вместо того чтобы совершенствоваться в смирении и послушании, стал известен своей строптивостью и честолюбивыми амбициями. Так, он неоднократно наказывался за своеволие и нарушение монастырской дисциплины. Открыто демонстрируя свои амбиции пробившегося в духовную элиту бюргера, Герман де Суммо носил личную печать с изображением Св. Доминика, поддерживающего стены разрушающейся Латеранской церкви в Риме (видение папы Иннокентия III, также ассоциируемое со Св. Франциском) – случай для простого монаха беспрецедентный! Эту печать он обычно использовал для своих писем, которые рассылал в другие конвенты, пытаясь сколотить вокруг себя группу единомышленников и одновременно сея внутри ордена смуты и плетя интриги. Активную роль в жизни немецких доминиканцев Герман де Суммо пытался играть при провинциале Тевтонии Генрихе Грюнингене, личным другом которого он являлся.

Страсбургский доминиканец Вильгельм фон Нидеке, состоявший с Германом де Суммо в активной переписке, собрал наиболее полное "обвинительное досье" на Экхарта, преимущественно сфабрикованное. Однако часть этого материала была, по-видимому, позднее использована на процессе против Экхарта, на котором Вильгельм фон Нидеке, несмотря на протесты доминиканцев, выступал вместе с Германом де Суммо в роли главного свидетеля и обвинителя одновременно. Изложив на суде перед инквизиторами многочисленные "факты", он обвинил Экхарта в том, что тот является "законченным еретиком, сознательно обучавшим своим заблуждениям и упорно защищавшим их" (*"pertinax hereticus, quia errores suos scienter docuisset et pertinaciter defendisset"*), добавляя при этом, что Экхарт совершил и "множество других тяжких преступлений" (*"multa alia gravia"*). Большинство своих "фактов" Вильгельм фон Нидеке не смог доказать и поэтому в конце концов был обвинен судом инквизиции в лжесвидетельстве и сознательном введении следствия в заблуждение. Тем не менее часть "досье" фон Нидеке, доказанная им и подтвержденная другими свидетельствами, легла впоследствии в основу обвинительного приговора против Экхарта.

Генерал-прокуратор доминиканского ордена Герхард Поданский, давая обоим "завистникам" в письме к папе характеристику, не постеснялся использовать самые нелицеприятные выражения: "интриганы", "клятвопреступники", "лжесвидетели", "клеветники" На обоих за их скандальное поведение визитаторами был наложен запрет покидать стены родных монастырей, дабы не провоцировать новые скандалы. Оба желали скорейшего осуждения Экхарта и были полны решимости ради этого в нарушение всех правил даже покинуть свои монастыри и отправиться в Авиньон, когда дело из епархиального суда было передано на рассмотрение папским инквизиторам. Вильгельму фон Нидеке, по-видимому, не удалось осуществить это намерение, в то время как Герман де Суммо, тайно покинув монастырь в Кёльне, в конце концов добрался до Авиньона, чтобы там продолжить "борьбу с ересью Экхарта", однако по прибытии был арестован и как злостный нарушитель церковных правил и заключен под стражу.

Случай подать жалобу на Экхарта, по-видимому, подвернулся "завистникам" во время визитации кёльнского доминиканского конвента Николаем Страсбургским. Папе Иоанну XXII давно поступали жалобы на многочисленные нарушения "Конституций" (устава доминиканского ордена), произвол и упадок нравов в доминиканских конвентах Тевтонии. Именно поэтому 1 августа 1325 г. он назначил двух доминиканцев, Николая Страсбургского и Бенедикта Комо, визита́торами орденской провинции Тевтония с широкими полномочиями. Бенедикт Комо фигурирует в папском документе как "профессор священного богословия" (*"sacre theologie professor"*). Николай Страсбургский назван "лектором кёльнского конвента" (*"olim lectorem in conventu Coloniensi"*). Ряд исследователей выдвигали предположение, что Николай Страсбургский какое-то время был в доминиканском *Studium generale* подчиненным Экхарту лектором (т.е. тоже мог входить в число "завистников"). Однако никаких прямых свидетельств этого не сохранилось; скорее всего, Николай Страсбургский не был вторым лектором в *Studium generale*, а занимал лишь должность лектора доминиканского конвента в Кёльне. Как бы то ни было, став папским визитатором Тевтонии, он должен был оставить любую преподавательскую деятельность. Николай Страсбургский был заметным богословом-доминиканцем своего времени, автором обширной латинской "Суммы", представляющей собой компиляцию "Сумм" других доминиканских богословов и посвященной главным образом вопросам этики и натурфилософии, а также трактатов и проповедей на немецком языке. Стиль его богословия, в отличие от богословских трудов Экхарта, был более томистским по содержанию и строгим по форме. Николай Страсбургский не допускает неоплатонических парадоксов, мистической двусмысленности и спиритуалистических аллегорий. Особенно это заметно в сохранившихся проповедях Николая Страсбургского, которые он,

как и Экхарт, должен был произносить в женских доминиканских монастырях в рамках *cura monialium*. Стиль этих проповедей предельно строг и прост. Их духовность не столь пламенна, как в проповедях Экхарта, но пронизана искренним и ясным этическим пафосом.

Бенедикту Комо и Николаю Страсбургскому в качестве папских визитаторов были даны широкие полномочия, определяемые каноническим правом того времени как *inquisitio super statu monasterii*. Они должны были в соответствии с уставом и церковным благочестием "исправлять и реформировать" ("*corrigiere et reformare*") нравы членов и провинциального руководства ордена ("*tam in capite quam in membris*") и сложившиеся в отдельных конвентах порядки. Помимо мужских, визитаторы должны были проверить также и женские доминиканские монастыри. Данная папой грамота обязывала всех монахов доминиканского ордена Тевтонской провинции давать визитаторам подробную информацию о всех нарушениях, особенно о злоупотреблениях глав конвентов и других должностных лиц, и отвечать на все их вопросы; отказ предоставлять такую информацию влек за собой серьезные дисциплинарные взыскания, вплоть до экскоммуникации[1]. В случае обнаружения дисциплинарных нарушений они имели право отстранять местное руководство ордена (кроме провинциала, назначение и снятие которого было исключительной привилегией генерал-магистра и генерального капитула ордена) от должности и переводить провинившихся монахов и монахинь в другие монастыри как в Тевтонии, так и за ее пределами. Если же обнаруживались более серьезные преступления, визитаторы, не обладавшие правом судить, должны были передавать дела в соответствующие церковные суды. Подчинялись визитаторы исключительно папе, ограничивая тем самым дарованные привилегиями ордена права генерал-магистра. Для того чтобы урегулировать эту ситуацию, папа Иоанн XXII проинформировал о назначенных им визитаторах Тевтонии генерал-магистра доминиканского ордена Барнабаса Каньоли Верчелли и предписал ему всячески содействовать их миссии; визитаторы в свою очередь были обязаны информировать генерал-магистра о предпринимаемых ими действиях и налагаемых санкциях.

Насколько можно судить по сохранившимся документам, визитаторы серьезно взялись за реформирование порядков, сложившихся в немецких доминиканских конвентах. Впрочем речь в них идет главным образом об исключительной активности Николая Страсбургского, тогда как Бенедикт Комо совсем не упоминается. В ряде конвентов после расследования Николая Страсбургского имело место отстранение приоров и случаи экскоммуникации. Видимо, одним из следствий его деятельности было также отстранение в 1326 г. генеральным капитулом доминиканского ордена от должности провинциала Тевтонии Генриха Грюнингена и избрание вместо него

провинциалом приора кёльнского конвента Генриха де Чиньо, активно поддерживавшего реформаторские усилия папы и его визитаторов.

Майстер Экхарт, который в своих проповедях и в своей деятельности на различных постах всегда был активным сторонником моральной реформы доминиканского ордена, видимо, не мог не приветствовать реформаторскую деятельность папских визитаторов. Тем не менее визитация дала "завистникам" Экхарта прекрасный повод подать на него жалобу. Вполне возможно, что Николай Страсбургского, как считает Трузен[2], и не придал этой жалобе никакого значения и не дал ей официального хода. В этом случае у жалобщиков оставалась возможность подать жалобу на Экхарта непосредственно архиепископу Кёльнскому Генриху, который 5 апреля 1326 г. предписал жителям Кёльна выдавать архиепископскому суду всех подозреваемых в ереси лиц независимо от того, являются ли эти лица духовными или светскими. Но Николай Страсбургский не мог не принять жалобу на Экхарта и формально не мог не дать ей официального хода, т.е. передать ее в вышестоящую судебную инстанцию доминиканского ордена (что было маловероятно, так как он действовал по личному предписанию папы, и поэтому чисто орденская юрисдикция в данном случае могла исключаться) либо в епархиальный суд, возглавляемый архиепископом Кёльнским. Вполне возможно, что жалоба была подана сразу в две инстанции: и визитатору, и архиепископу. Тогда становится понятно, почему Николай Страсбургский с его огромными полномочиями оказался бессилен если не защитить Экхарта, то по крайней мере ограничиться внутриорденскими дисциплинарными мерами и не доводить дело до суда инквизиции, а также почему он сам впоследствии за свою умеренную позицию попал под подозрение и был обвинен в пособничестве еретику и создании препятствий в работе инквизиторов. Следует отдать должное взвешенности и рассудительности папского визитатора: сфабрикованный Вильгельмом фон Нидеке компрометирующий материал, якобы взятый из проповедей Экхарта, был им сразу отринут как заведомо фальшивый, а на Вильгельма фон Нидеке было наложено дисциплинарное наказание.

Как и его страсбургский коллега Иоанн I Цюрихский, Кёльнский архиепископ Генрих II фон Вирнебург в борьбе белого приходского духовенства с растущим влиянием в городах новых орденов – францисканского и доминиканского – занимал сторону приходских священников, которых ему было легче контролировать. Не менее ревностно он боролся и с еретиками, прежде всего с бегинками и бегардами. В 1325 г. наиболее видные из них были сожжены по приговору Кёльнского архиепископа на кострах или утоплены в Рейне. Именно против тайных бегинок и бегардов и было главным образом направлено предписание Генриха от 5 апреля 1326 г. Деятельность Экхарта как проповедника изначально противоречила интересам

Кёльнского архиепископа, и поэтому в середине 1326 г., получив жалобу от доминиканцев, он официально начал против него инквизиционный процесс, в котором принял самое активное участие на стороне обвинителей Экхарта. Так, он отменил распоряжение Николая Страсбургского не допускать на заседания Вильгельма фон Нидеке, на которого визитатором был наложен дисциплинарный арест, и не принимать в расчет его показания. В январе 1327 г. Николай Страсбургский тщетно несколько раз апеллировал к папе, ссылаясь на привилегии доминиканского ордена и на свои полномочия. В конце концов самого Николая Страсбургского заключили под стражу и привлекли к суду за потворство еретику и помехи, чинимые инквизиторам. Папа Иоанн XXII был на стороне архиепископа Генриха, и последний хорошо об этом знал.

Правила инквизиционного процесса были по инициативе папы Иннокентия III определены в 1215 г. на IV Латеранским Соборе, запретившем восходящие к эпохе империи франков ордалии и установившем для обвинения в ереси необходимость достоверных свидетельских показаний и проверенных фактов. В 1252 г. папа Иннокентий IV в декреталии "*Ad exstirpanda*" приравнял по аналогии дела против еретиков в процессуальном отношении к разбираемым светскими судами делам "по оскорблению величества", определив ересь как "преступление против Божественного Величия" и разрешив для более эффективного получения требуемых "достоверных фактов" применение в отношении подозреваемых в ереси пыток. Однако признание под пытками выбивалось лишь в случае, когда откровенная ересь и богохульство были несомненными. Такой процесс имел заведомо обвинительный характер; обвинение исходило от самих судей (в случае Экхарта такой судебной инстанцией был бы Кёльнский архиепископ), и поэтому назывался процессом *ex officio*. Впрочем в начале XIII в. пытки еретиков еще не получили в Германии, в отличие от Италии и Франции, широкого распространения. Например, осужденных в Кёльне и Страсбурге бегинок и бегардов пыткам не подвергали.

Когда же обвиняемый лишь подозревался в ереси третьими лицами, выступавшими в качестве обвинителей, когда, как это и имело место в случае с Экхартом, ставились под сомнение его отдельные высказывания, обвиняемый должен был доказать перед инквизиторами, выступавшими уже в качестве экспертов, но не обвинителей, что его высказывания имеют вполне церковный характер. Если ему это удавалось, дело прекращали. Такой процесс осуществлялся *per promoventem*, или *cum promovente*, т.е. путем защиты "денунциантом" (обвиняемым в ереси) своей ортодоксальности. То, что процесс против Экхарта был именно процессом *per promoventem*, косвенно подтверждает тот факт, что Экхарт не был взят под стражу, как обычно поступали с еретиками в случае процессов *ex officio*, и ему не запретили исполнять обязанности священника, в частности

читать проповеди. По правилам инквизиционного процесса *per promoventem*, для рассмотрения дела Экхарта (в качестве богословских экспертов архиепископом были назначены "комиссары" (собственно, инквизиторы). Ими оказались настоятель Кёльнского собора доктор богословия Рейнериус Фриско (Ренер/Райнер Фрисландский) и францисканец Петр де Эстате, которого в конце 1326 г. сменил другой францисканец, Альберт Миланский, занимавший должность лектора кёльнского францисканского конвента.

Отнюдь не случайно в числе инквизиторов на процессе, закончившемся обвинением выдающегося доминиканца в ереси, были францисканцы. Борьба между двумя нищенствующими орденами в это время давно переросла рамки богословской дискуссии, корпоративной и личной конкуренции и превратилась в острую вражду, отягощенную политическими конфликтами и интригами. Оба ордена, рассчитывая занять привилегированное положение в Священной Римской империи, принимали активное участие в борьбе за императорский престол между Фридрихом Красивым Габсбургом и Людвигом Баварским: доминиканцы на стороне первого, францисканцы на стороне второго.

Для францисканских богословов Экхарт к тому времени успел превратиться в удобную мишень для нападок. Взвешенная полемика между двумя магистрами богословия в Сорбонне – Экхартом и Гонсалвом Испанским – уже ушла в прошлое, уступив место непримиримым критикам в лице Михаила Кезенского и Уильяма Оккама.

Руководство доминиканского ордена предпочло не вмешиваться в судебный процесс. Генерал-магистр доминиканцев Барнабас Каньоли Верчелли, в отличие от своего предшественника Гервея Наталия, не покровительствовал Экхарту. Он не встал на его защиту, апеллируя, как это было принято, к привилегиям ордена, и дал свое согласие на то, чтобы брат-проповедник Экхарт предстал перед судом инквизиции. После осуждения Экхарта руководство ордена вычеркнуло его имя из списка рекомендованных новициям и молодым монахам для чтения авторов-доминиканцев и постаралось изъять его сочинения из монастырских библиотек. Защищать еретика было опасно, так как тень подозрения могла пасть на весь орден. Пример осуждения францисканцев, отстаивавших тезис о бедности Иисуса Христа, был у всех перед глазами. Тем не менее Экхарт не был лишен поддержки братьев своего ордена. Большинство доминиканцев и в Германии (Николай Страсбургский, Отто Шауэнбург, Конрад фон Хальберштадт и др.), и в Авинвоне (генерал-прокуратор ордена Герхард Поданский) были на его стороне и стремились сделать все, чтобы поддержать Экхарта и помочь ему своим участием и советом.

Обвинители и судьи Экхарта вовсе не были неучеными людьми, не понимавшими смысла его учения. Однако формальная сторона судебного процесса против еретика требовала отнюдь не выяснения

теоретического замысла Экхарта, а определение того, "звучат" или нет его высказывания еретически, т.е. критерием истины была забота о душах паствы. Если богословское учение с чисто формальной точки зрения в своей терминологии и в своих определениях было способно соблазнить души неискушенных "простецов", то оно признавалось еретическим.

Там же, где речь все-таки идет о богословском анализе, причина неадекватного истолкования инквизиторами учения Экхарта кроется в механизме интерпретации, к которому они прибегали при рассмотрении его высказываний. Во-первых, они выдергивали отдельные фразы из контекста, вне которого эти фразы чаще всего теряют всякий смысл и могут быть интерпретированы как угодно, в том числе и еретически. Собственно этот механизм использовали еще "завистники" Экхарта, которые, насколько можно судить, явно в нем переусердствовали. Экхарт же, особенно в своих немецких проповедях, – крайне контекстуальный мыслитель. То, что судьи и в Кёльне, и, позднее, в Авиньоне упрямо придерживались именно такого, внеконтекстуального, механизма интерпретации, вряд ли было следствием их заведомо предвзятой позиции по отношению к Экхарту или их нечистоплотности. В первую очередь это результат того, что все они были хорошими схоластами. Не такими блестящими, как Экхарт, но просто хорошими, и поэтому строго следовали формальным школьным методам интерпретации, согласно которым, для того чтобы получить истинноподобное заключение о каком-либо суждении, вначале необходимо произвести анализ (*divisio*) этого суждения, т.е. разделить его на мельчайшие составные части, обладающие смыслом. Собственно, так толковалась схоластами Библия: обнаруживался и доказывался смысл каждой фразы, каждого слова. Если Библия – это Божественная Истина, то и каждое ее слово должно заключать в себе эту Истину. И если в каком-то тексте, рассуждали схоласты, одна фраза еретична, то и весь текст тоже еретичен. Экхарт, как более тонкий схоласт, понимал, что смысл целого далеко не всегда состоит из смысла отдельных частей, но что он мог противопоставить школе, к которой сам принадлежал и методы которой (особенно аллегорически безоглядно пресловутое *divisio*) сам активно использовал в проповедях, за которые его и обвиняли?

Во-вторых, все цитаты из немецких проповедей Экхарта инквизиторы усердно перевели на латинский язык (на котором велось разбирательство), что привело к двойному искажению смысла, так как сухая и отточенная терминология латинской схоластики оказалась не в силах передать религиозный пафос немецкой народной речи. К тому же немецкий и латинский языки очень далеки друг от друга семантически, и поэтому вся немецкая терминология Экхарта в переводе на латынь стала выглядеть крайне нелепо. Экхарт прекрасно чувствовал это смысловое различие и писал на разных языках разные по характеру тексты, используя в каждом случае для выра-

жения одного и того же религиозного или философского смысла различную лексику и различные понятия. Инквизиторами, по-видимому, владели наилучшие ученые побуждения: с помощью ясной латинской терминологии они стремились понять, прояснить для себя и для интересов следствия смысл "темной" немецкой речи Экхарта. Результат же оказался прямо противоположным. Таким образом, в деле Экхарта отчетливо дала о себе знать ограниченность формального схоластического метода, отношение к которому среди самих схоластов становилось все более скептическим. Это была уже эпоха Уильяма Оккама и Дунса Скота.

Богословский язык, который использовал Экхарт для выражения своего учения, антиномичен и многозначен; он балансирует на тонкой грани между ересью и откровением. Б. Вельте, ссылаясь на концепцию "языковых игр" позднего Л. Витгенштейна, замечает, что Экхарт и его судьи словно бы играли в разные "языковые игры" Экхарт вкладывал в свои слова один смысл, а его слушатели и инквизиторы – другой, стремясь к простоте, понятности и однозначной непротиворечивости там, где это недопустимо[3]. Но то же самое можно сказать о любом мыслителе, обладающем такой же духовной силой и метафизической глубиной, какие были присуще Экхарту. Перед нами своеобразная богословская традиция, уходящая корнями к платонизму Оригена. Кто знает, если в свое время автор "Ареопагитик" не скрылся бы за авторитетом Св. Дионисия Ареопагита, то вполне возможно, что его сочинения довольно рано оказались бы в числе еретических книг и не сыграли бы той роли в развитии средневековой философии как на Западе, так и на Востоке, какую им суждено было сыграть. В метафорическом языке и емкой многозначности экхартовской терминологии технически несложно усмотреть ересь. Строго говоря, на это в качестве своеобразного классного упражнения был в начале XIV в. способен любой студент, изучающий богословие. Гораздо труднее понять – не просто почувствовать, как это часто имело место среди слушателей Экхарта, – истину экхартовских слов. Для этого уже требуется серьезная работа духа. Сам Экхарт считал, что для того чтобы понять истину его слов, необходимо уподобиться Истине. Обыденный опыт не предоставляет возможности для такого понимания. Для достижения состояния, в котором человеческий опыт станет опытом Истины, человек должен настолько преобразовать свою обыденную жизнь, свой повседневный мир, сферу своего существования, что они уже не будут ограничены сиюминутностью, но станут целиком и полностью ориентироваться на вечность. Именно это состояние свободы от тварного мира, состояние, в котором опыт Истины как единство с Богом становится реальностью человеческого опыта, Экхарт и называл "отрешенностью"

В каких же именно концепциях Майстера Экхарта была усмотрена ересь? Положение о вечности мира в Боге обвинители истол-

ковали таким образом, что будто бы, по словам Экхарта, мир является вечным и равноначальным Богу. В концепции отрешенности, достигнув которой, человек достигает единства с Богом, была усмотрена абсурдная и крамольная мысль, что будто бы, согласно Экхарту, человек каким-то полумагическим способом способен превзойти собственное бытие и сделаться равным Богу. Подобным же образом были интерпретированы идеи Экхарта о "несотворенном в душе" (что Экхарт будто бы утверждал, что часть души сотворена Богом, а часть является самим Богом), о рождении Иисуса, в душе человека и обретении человеком через это рождение божественного сыновства. Из рассуждений Экхарта о том, что Божественное Благо простирается и на сферу зла, обвинители сделали вывод, что зло, по его мнению, не является злом, но должно быть названо "добром" Из концепции Экхарта, в соответствии с которой все сотворенное в своей основе есть чистое Ничто, в результате интерпретации получилась теория, утверждавшая что все сотворенные вещи представляют собой ничто, а это противоречит опыту и здравому смыслу. Мысль Экхарта о том, что Бог в Самом Себе есть абсолютное Единство, не ведающее никаких различий, получила у обвинителей антитринитарное толкование. Наконец, высказывание Экхарта о том, что Бога нелепо называть Благим, было понято как отрицание Экхартом благости Бога. Как можно заметить, в интерпретации обвинителей, как, впрочем, впоследствии и инквизиторов – как результат той техники толкования, которой они владели, – учение Экхарта выглядит не просто еретичным, но еще и абсурдным, противоречащим не только основам христианской веры, но и основным правилам логики. В качестве доказательства каждая заподозренная в ереси концепция Экхарта была проиллюстрирована несколькими цитатами из его сочинений.

Обвинительный материал собирали не инквизиторы. У них для этого не было ни времени, ни возможности. Кроме того, согласно статусу процесса, они и не должны были этого делать. Материал был собран Вильгельмом фон Нидеке и Германом де Суммо. На основании этого материала и были составлены списки тезисов обвинения, предъявленные судом Экхарту. Кто непосредственно составлял эти списки, не ясно. Технически это могли сделать как обвинители (с последующей небольшой редакцией судей), так и судьи (для большего процессуального удобства упорядочив и систематизировав предоставленный обвинителями разнородный материал). Часть этого материала (ряд тезисов из "Книги божественного утешения") была представлена обвинителями Николаю Страсбургскому во время его визитации, и эти выписки также фигурировали на процессе. Помимо этого, какие-то списки проповедей Экхарта, отдельные высказывания которых были заподозрены в ереси (в самом деле, среди фигурировавших в деле тезисов, взятых из немецких проповедей, доминируют именно высказывания из проповедей кёльнского перио-

да деятельности Экхарта) могли храниться в библиотеке кёльнского доминиканского конвента и *Studium generale*. Эти рукописи могли быть также предоставлены в распоряжение суда.

Основные документы кёльнского процесса над Экхартом сохранились в копии первой половины XV в. (манускрипт 33 научной библиотеки и архива города Сёста)[4]. В Сёсте эта копия оказалась потому, что ее заказал монах доминиканского конвента Сёста Якоб Свейве (Швефе). Преподаватель (с 1405 г.), а затем декан (с 1407 г.) теологического факультета Кёльнского университета Якоб Свейве был в 1409 г. назначен кёльнским инквизитором. Ведя в 1411–1416 гг. процесс против странствующего проповедника Иоганна Маклава, обвиненного в близкой к бегикам ереси, Якоб Свейве, видимо, и заказал копию дела Экхарта для ознакомления с аналогичным прецедентом. Но, возможно, его интерес имел чисто теоретический характер, так как он заказал для себя десятки других выписок о тех или иных древних и новых ересях из протоколов и пособий для инквизиторов, которые также сохранились в архиве Сёста. С 1420–1421 гг. Якоб Свейве жил в Сёсте, куда, видимо, перевез часть своего архива и где скончался в 1438 г.

Документы процесса состоят из четырех частей:

1. Листы 45ra–48rb: протокол от 26 сентября 1326 г., записанный судебным нотариусом и содержащий публичное заявление Экхарта (так называемое *protestatio*, означавшее вовсе не протест, но именно официальное публичное заявление) и его объяснение 49 сомнительных и заподозренных в ереси мест из "Книги божественного утешения", Комментария на книгу Бытия из *Opus tripartitum* и немецких проповедей. Ответы Экхарта, после того как они были записаны, по-видимому, были переданы ему нотариусом для корректировки и ознакомления.

2. Листы: 48va–51rb: составленный судьями список этих 49 сомнительных мест, в котором все цитаты из немецких произведений даны в переводе на латинский язык.

3. Листы 51rb–57vb: расширенный до 59 пунктов список заподозренных в ереси мест из немецких проповедей Экхарта, в основе которого, по-видимому, лежал донос "завистников"; все фрагменты даны в переводе на латинский язык и указано, из каких именно проповедей они взяты. Составление этого списка скорее всего было вызвано тем, что 26 сентября 1326 г. Экхарт отказался признать своими многие из предъявленных ему фрагментов проповедей, ссылаясь на то, что они были искажены слушателями. Кроме того, отсутствовали точные ссылки, что ставило под вопрос авторство Экхарта и лишало эти пункты обвинения каких-либо оснований. По каждому из тезисов Экхарт в данном случае дает отдельный ответ. Видимо, этот список был передан Экхарту судьями спустя какое-то время после слушаний 26 сентября 1326 г. Экхарт дал исчерпывающий письменный ответ на каждый из пунктов обвинения и передал обратно в

суд для протокола. С этим текстом в руках он, видимо, на этот раз и выступал.

4. Лист 57vb: личные замечания Экхарта по поводу некоторых пунктов обвинения и процесса в целом с жалобой на "комиссаров" в неправильном истолковании слов его проповедей и ведению дела. По-видимому, это часть протокола одного из последних заседаний суда в Кёльне.

В ходе процесса фигурировал еще список заподозренных в ереси тезисов, извлеченных из комментария Экхарта на Евангелие от Иоанна. Этот список не найден. Однако он существовал, и им пользовался Николай Кузанский[5]. Пять содержавшихся в нем тезисов были в ходе процесса признаны еретичными и включены в осуждающую учение Экхарта папскую буллу.

Из документов процесса выступление Экхарта в свою защиту публиковалось А. Даниэльсом[6] и Габриэлем Тери[7], другие материалы – Л. Стурлезе в пятом томе латинских сочинений Майстера Экхарта[8]. Процесс над Экхартом стал предметом подробного исследования Винфрида Трузена[9].

26 сентября 1326 г. речь в свою защиту Экхарт начал с характерной преамбулы, во многом проясняющей его собственное отношение к процессу и характеризующей избранную им стратегию поведения:

«Во-первых, в вашем, уважаемые комиссары Майстер Ренер Фрисландский, доктор богословия, и брат Петр де Эстате, новоизбранный кустос миноритов, присутствии открыто заявляю: ввиду свободы и привилегий нашего ордена я не должен был представать здесь перед вами и отвечать на предъявленные мне обвинения, ибо никогда не был повинен и обвиняем ни в какой ереси – тому свидетели вся моя жизнь и мое учение, – и в этом со мной единодушны все братья моего ордена и все население, все мужчины и женщины, вся орденская нация.

Поэтому, во-вторых, заявляю, что поручение, данное вам досточтимым отцом нашим господином архиепископом Кёльнским (да продлит Господь его дни!), не имеет никакой силы. Оно – результат ложных слухов, и происходит из злого корня, от дурного древа. Если бы я был менее известен в народе и стремился бы к справедливости с меньшим усердием, то, уверен, мои завистники никогда бы не решились возвысить против меня голос. Что ж, мне остается лишь терпеливо все это вынести. Ибо "блаженны изгнанные за правду" (Мф. 5:10), и "Господь бьет всякого сына, которого принимает" (Евр. 12:6), по слову Апостола. Воистину, могу я сказать вместе с Псалмопевцем: "Скорбь моя всегда предо мною" (Пс. 37:18). Ведь и прежде бывало, что парижские магистры богословия держали перед вышестоящими лицами ответ за свои сочинения (и это были столь известные люди, как святой Фома Аквинский и брат Альберт Великий!), вызывавшие подозрения. Как много

было написано, произнесено речей и публичных проповедей против святого Фомы, что, мол, он – лжеучитель, и что учение его ошибочно! Но с Божьей помощью жизнь и учение его были в конце концов оценены как в Париже, так и папой и римской курией по достоинству.

После этих предварительных замечаний, отвечу по поводу тех высказываний, в которых меня обвиняют. Эти высказывания, числом 49, распадаются на четыре группы:

во-первых, 15 высказываний, взятых из одной составленной мною книги, которая начинается словами *Benedictus Deus*;

во-вторых, 6 высказываний, взятых из моего ответа (о книге *Benedictus Deus*) или из моих слов (по поводу нее);

в-третьих, 12 высказываний, взятых из составленного мною первого толкования на книгу Бытия. При этом удивительно мне, что содержание других моих многочисленных книг не вызывает возражений. Ведь несомненно, что я написал книги о сотне и более таких предметов, которых эти люди (обвинители) в силу своей необразованности даже не могут ни представить себе, ни понять;

в-четвертых, 16 высказываний, взятых из приписываемых мне проповедей.

Что касается первой, второй и третьей групп высказываний, то я объявляю и признаю, что я действительно все это говорил и писал; я считаю, как это будет ясно из дальнейшего изложения, что все здесь истинно, хотя многое и непривычно, трудно для понимания и отличается тонкостью смысла.

Если же в названных выше или других моих словах и сочинениях и было что-то ошибочное, чего я не смог заметить, то я всегда готов признать более правильную точку зрения. Иероним в послании Элиодору говорит: "Ничтожные духом (к числу которых принадлежу и я) не могут осилить великих вещей, но, поразмыслив и взвесив все, они покоряются тому, что превышает их силы"[10]. Я могу ошибаться, но я не еретик. Ибо первое есть свойство ума, второе же – акт воли».

Экхарт пытается доказать и настаивает на том, что он не еретик, что обвинение его в ереси – результат непонимания, неверного толкования его слов либо просто ошибки. Особенно он настаивает на этом в специальной преамбуле, предваряющей рассмотрение четвертой группы высказываний. Здесь Экхарт заявляет, что просто не узнает своих слов. То, что ему предъявили, говорит он, является по большей части результатом неверного восприятия и неосознанного искажения его проповедей малообразованными слушателями. Сам же он ничего еретического никогда не говорил. В подтверждение своей позиции Экхарт приводит обширную цитату из Августина (О Троице, 1.3), предельно точно выражающую то, что сам Экхарт хотел бы в данном случае сказать. Помимо прочего, там есть такие слова: "Полагаю, что многие, причем отнюдь не со зла, приписывают

БИБЛИОТЕКА
70806 СИ

отдельным частям моих сочинений мысли, которых у меня никогда не было, и отказываются понимать то, что я в действительности имел в виду". Тот факт, что Экхарт в своей защитной речи отказался от многих проповедей, которые до обнаружения инквизиционных "Актов" принято было считать несомненно экхартовскими, изрядно осложнило и без того нелегкую задачу редакторов и издателей трудов Экхарта. Однако, отказываясь от многих высказываний, Экхарт тем не менее с особым упорством отстаивает свои учения о "сокровенном души" (*intimum animae*) и о рождении Сына Божьего в сердцах людей, считая их важными и полезными для благочестивой жизни.

Ссылка на прецеденты с Фомой Аквинским и Альбертом Великим в общей преамбуле отнюдь не случайна. Во-первых, с формальной и правовой точек зрения Экхарт однозначно дает понять судьям, что его дело могут рассматривать только "равные" или "вышестоящие" (общеправовая норма средневекового судопроизводства), т.е. либо капитул доминиканского ордена, либо магистры Парижского университета, либо папский суд. Он напоминает, что обладает тем же статусом монаха-доминиканца, парижского магистра богословия, официального учителя своего ордена, что и Фома и Альберт, и поэтому считает, что он вправе рассчитывать на аналогичное к себе отношение, на более внимательное и взвешенное разбирательство и (соответственно) на оправдательный приговор.

В самом деле, каноническое право и судебная практика того времени однозначно требовали, чтобы дело университетского магистра богословия, обвиняемого в ереси за свои сочинения, подлежало разбирательству только в папском суде. Однако на момент осуждения Экхарт, хотя и имел степень магистра богословия, преподавал не в университете, а в орденской школе, следовательно, университетские привилегии распространялись на него не в полном объеме. К тому же Экхарт обвинялся не столько за ученые богословские сочинения, под которыми понимались тексты на латыни, сколько за проповедь на немецком языке, иначе говоря, не столько за учение, сколько за антицерковные действия. Кроме того, практика разбирательства дела магистра богословия только в папском суде в строгом смысле не была правовой нормой, и на тот период были уже известны прецеденты судебных процессов против магистров богословия, возбужденных отдельными епископами.

Во-вторых, ссылаясь в преамбуле и далее, при разбирательстве отдельных пунктов обвинения, на Фому Аквинского, он признает принадлежность своего учения доминиканской богословской школе; в его словах, намекает Экхарт, нет ничего, что расходилось бы с мнением Фомы. Подчеркивая свою школьную принадлежность, Экхарт завуалированно, но недвусмысленно намекает, что его дело отчасти является следствием полемики двух богословских школ – доминиканцев и францисканцев – и что поэтому подлежит не столько разбира-

тельству инквизиции, сколько требует обычного диспута в стенах университета. Экхарт дает понять, что у его богословских оппонентов, францисканцев, нападавших в свое время на Фому, нет никакого права быть судьями и обвинять его, Экхарта, в ереси, так как всем хорошо известно, что всего лишь три года тому назад (в 1323 г.) Фома, в осуждение своих противников, был канонизирован. Возможно, намекает Экхарт, не сумев осудить Фому, его противники теперь решили отыграться на нем как на последователе Фомы. Экхарт не случайно настаивает и доказывает, часто ссылаясь при этом на Фому и Аристотеля, что первые три группы утверждений, в которых его обвиняют, истинны. Он был убежден, что это чистый томизм, только дополненный его собственными концепциями и высказанный другими словами.

По правилам инквизиционного процесса против богословских учений, судьи, чтобы вынести справедливое решение, заказывали у наиболее авторитетных богословов рецензии на заподозренные в ереси тезисы. Позднее, когда процесс над Экхартом продолжился в Авиньоне, это имело место. Но в Кёльне ничего подобного не было сделано. Видимо, инквизиторы преследовали цель осудить как еретика самого Экхарта, а не просто отдельные положения его учения, хотя реально располагали только ими. Это усугубляло недовольство обвиняемого и усиливало его подозрения в некомпетентности и несправедливости суда.

Экхарт стремился к тому, чтобы его дело разбиралось в суде доминиканского ордена. Действительно, судебные привилегии доминиканского ордена, в соответствии с которыми ни один братпроповедник не мог представать перед епархиальными судами, не подвергались сомнению и строго соблюдались. Однако у этого правила было существенное уточнение, сформулированное папой Бонифацием VII: судебный иммунитет не распространялся на еретиков, папа однозначно предписывал духовным судам всех инстанций возбуждать дела против еретиков, не взирая на их статус и привилегии[11]. Того же требовал еще в 1184 г. папу Луций III в своей декреталии *Ad abolendam*[12]. Факт обвинения в ереси лишал члена монашеского ордена любых привилегий.

Возможно, что, настойчиво ссылаясь на судебные привилегии доминиканского ордена, Экхарт имел в виду прецедент с осуждением в связи с канонизацией Фомы противников томизма также и среди самих доминиканцев, а именно Дуранда де Сан-Порциано (ок. 1275–10.09.1334) и его сторонников. Споры вокруг доктрины этого богослова, изложенной в его комментарии на "Сентенции" (первая редакция: 1303–1307 гг.; вторая редакция: 1310–1311 гг.) и представлявшей синтез неоплатонизма в духе Альберта Великого с новейшими натурфилософскими теориями, дважды (в 1313–1314 гг. и 1316–1317 гг.) приводили к его осуждению капитулом доминиканского ордена. Специальная орденская комиссия признала 235 тезисов Дуранда де Сан-Порциано "противоречащими учению Фомы", а

93 из них – еретическими. Однако после того как Дуранд публично признался в своих ошибках и составил новую, третью, редакцию своего комментария на "Сентенции" (не позднее 1327 г.), он стал вполне реномированным и не вызывавшим подозрения в ереси богословом, к концу жизни даже удостоенным сана епископа. Университетские споры вокруг его учения продолжались с не меньшей страстностью и теоретической плодотворностью, что и прежде, но ни одна из сторон не видела оснований прибегать к помощи инквизиторов. Осуждение в данном случае ограничивалось одной орденской юрисдикцией и – после формального покаяния – чисто дисциплинарными мерами[13]. Именно такого к себе отношения требовал Экхарт, когда ссылался на судебные привилегии своего ордена.

В связи с этим становится более понятным следующий шаг Экхарта – его признание в своих "заблуждениях" и отказ от "ошибок" 13 февраля 1327 г. в доминиканской церкви в Кёльне после обычной проповеди перед хорошо его знавшей и почитавшей общиной верующих Экхарт дал публичное объяснение предъявленных ему пунктов обвинения на латинском языке с подробным устным немецким толкованием. Слова Экхарта были при этом записаны и нотариально заверены. В сохранившемся латинском тексте говорится следующее:

"Я, Майстер Экхарт, доктор священного богословия, заявляю, и Бог тому свидетель, что я всегда, насколько это было в моих силах, питал отвращение к любым ошибкам в вероучении и извращении христианского образа жизни, потому что подобного рода заблуждения противоречили и противоречат как моему ученому статусу, так и моему положению монаха. На этом основании я отрекаюсь от всего, что по злому умыслу либо просто по причине неверного понимания может быть усмотрено ошибочно в том, что я писал, говорил или проповедовал, будь то частным или публичным образом, в любом месте и в любое время, непосредственно или опосредованно. От всего этого я отрекаюсь здесь открыто, пред всеми вами и пред каждым из вас, собравшимися здесь, в отдельности, и ничего подобного впредь не буду ни говорить, ни писать, так как не хочу, чтобы меня неправильно понимали. Говорят, к примеру, будто я проповедовал, что сотворил все своим мизинцем. Но так, как звучат эти слова, я никогда ничего не думал и не говорил. Я говорил лишь о пальчиках младенца Иисуса. Далее, я говорил, что в душе есть нечто, благодаря чему она, как целая душа, может называться несотворенною. Это положение я вместе с моими коллегами, учеными докторами, считаю истинным лишь в том смысле, в каком душа в своей сущности является умом. Я никогда не объявлял в качестве своего особого учения или мнения, будто в душе есть нечто, что является ее частью, причем частью несотворенной и нетворимой, и что душа, таким образом, состоит как бы из сотворенной и несотворенной частей. Напротив, я писал и учил о прямо противоположном, так как несотво-

ренной и нетворимой называю душу постольку, поскольку она не для самой себя творится, но со-творится [уму]. С этими оговорками я исправляю все и отрекаюсь от всего, о чем я сказал в начале, и впредь буду всегда – и в общем, и в частности – при необходимости делать это, если мне скажут, что в моих словах может быть усмотрен зловредный смысл". ("*Ego magister Ekardus, doctor sacre theologiae, protestor ante omnia, deum invocando in testem, quod omnem errorem in fide et omnem deformitatem in moribus semper, in quantum michi possibile fuit, sum detestatus, cum hujusmodi errores statui doctoratus mei et ordinis repugnarent et repugnent. Quapropter si quid erronium repertum fuerit in premissis scriptum per me, dictum vel predicatum, palam vel occulte, ubicumque locorum vel temporum, directe vel indirecte, ex intellectu minus savo vel reprobo, expresse hic revoco publice coram vobis universis et singulis in presentiarum constitutis, quia id pro non dicto vel scripto exnunc haberi volo, specialiter etiam quia male intellectum me audio, quod ego predicaverim, minimum meum digitum creasse omnia, quia illud non intellexi, nec dixi prout verba sonant, sed dixi de digitis illius parvi pueri Jhesu. Et quod aliquid sit in anima, si ipsa tota esset talis, ipsa esset increata, intellexi verum et intelligo etiam secundum doctores meos collegas, si anima esset intellectus essentialiter. Nec etiam unquam dixi, qoud sciam, nec sensi, quod aliquid sit in anima, quod sit aliquid anime, quod sit increatum et increabile, quia tunc anima esset peciata ex creato et increato, cuius oppositum scripsi et docui, nisi quis vellet dicere: increatum vel non creatum, id est non per se creatum, sed concreatum. Salvis omnibus corrigo et revoco, ut premisi, corrigam et revocato in genere et in specie quandocumque et quotienscumque id fueri opportunum, quecumque reperiri poterunt habere intellectum minus sanum*".)

По-видимому, неверно понимать сказанное Экхартом 13 февраля 1327 г. в кёльнской доминиканской церкви как отказ от своего учения, как результат давления со стороны инквизиторов, либо как следствие страха перед приговором. Тем более что Экхарт вовсе и не отказывается от собственного учения; он лишь пытается разъяснить, как следует и как не следует понимать те или иные его мысли, и обещает впредь при изложении в проповедях перед простыми людьми сложных метафизических учений быть более корректным в выражениях. К тому же данный акт вряд ли был предусмотрен ходом судебного разбирательства; по-видимому, он являлся инициативой самого Экхарта и его сторонников, стремившихся, с одной стороны, получить дополнительные документальные подтверждения церковности Экхарта, а с другой стороны, успокоить умы кёльнских прихожан, смущенных фактом обвинения в ереси любимого проповедника. О последнем, крайне неблагоприятном для церкви, обстоятельстве как следствии процесса Экхарт неоднократно заявлял в ходе судебного разбирательства. С формально-процессуальной же точки зрения публичное отречение Экхарта от всякой ереси предоставляло ему перед лицом инквизиции некоторую страховку:

теперь лично из него было трудно сделать еретика, а тем более обвинить в пособничестве ереси весь доминиканский орден. Самое большее, на что могли рассчитывать инквизиторы, это объявить еретическими или ошибочными некоторые высказывания Экхарта, что в конечном итоге и произошло. Но не следует считать этот шаг исключительно результатом прагматической расчетливости. Как добрый христианин, Экхарт, оказавшись в ситуации обвиняемого, просто не мог не покаяться в том, в чем чувствовал себя виноватым, признаться в том, в чем он видел зло.

Однако еще до своего выступления в доминиканской церкви в Кёльне 24 января 1327 г. Экхарт, поскольку его доводы не принимались в расчет инквизиторами, подталкиваемые архиепископом Генрихом, а, наоборот, делали все, чтобы быстрее осудить его, обратился с адресованной папе апелляцией против неправомерных и несправедливых действий кёльнских инквизиторов в отношении лично его и ордена в целом. Согласно существовавшим правилам, такая апелляция подавалась в присутствии нотариуса непосредственно судьям, разбиравшим дело Экхарта. В течение 30 дней они должны были либо принять апелляцию, либо отклонить ее. В первом случае они соглашались со всеми высказанными в апелляции претензиями, и после внесения требуемых изменений процесс под их председательством продолжался далее. В случае отклонения апелляции дело передавалось в суд высшей инстанции – в папский суд консистории в Авиньоне. 22 февраля 1327 г. Экхарт получил ответ, в котором его апелляция отклонялась, действия Кёльнского архиепископа и комиссаров признавались правильными и подтверждалось их заключение о еретичности рассмотренных в ходе процесса экхартовских высказываний. Однако Экхарту, с которого, таким образом, не снималось обвинение, предоставлялось теперь право предстать перед судом консистории и выступить там с защитным словом. После того как стало ясно, что дело для дальнейшего разбирательства и вынесения окончательного приговора передается в папский суд консистории в Авиньоне, Экхарт в сопровождении провинциала Генриха де Чиньо и трех лекторов немецких доминиканских конвентов, имена которых в документах не названы, отправился в Авиньон. Трузен предполагает, что одним из этих трех лекторов, возможно, был Николай Страсбургский, который являлся лектором кёльнского конвента и должен был сам отвечать перед инквизицией по обвинению в пособничестве Экхарту[14].

Для разбирательства по делу Экхарта консисторией была назначена состоящая из богословов комиссия, выступавшая в роли цензурного и судебного органа одновременно. Ее задача состояла в том, чтобы собрать необходимые рецензии на предъявленные Экхарту пункты обвинения, которых после перенесения слушаний в Авиньон осталось лишь 28, и, заслушав их вместе со словом Экхарта в свою защиту, вынести окончательное решение[15]. Новые материалы по

делу Экхарта в Авиньоне, судя по всему, уже не собирались; комиссия довольствовалась тем, что было прислано из Кёльна. Наиболее подробную, богословски продуманную, но в целом негативную рецензию представил кардинал Жак Фурнье (Якоб Новелли), будущий папа Бенедикт XII, который по поручению Иоанна XXII был также официальным рецензентом на процессах против Петра Оливи и Уильяма Оккама. Подробно разобрав высказывания Экхарта, Фурнье в конечном итоге предложил их все объявить еретическими.

В качестве неофициальных рецензентов на процесс против Экхарта пытались повлиять и находившиеся в опале францисканцы. Генерал ордена францисканцев Михаил Кезенский 18 сентября 1328 г. направил в адрес папской курии апелляцию (*Appellatio maior*), в которой говорилось о том, что Экхарт, монах ордена братьев-проповедников, в своих сочинениях и проповедях распространяет "гнусные и неслыханные ереси", совращая тем самым христиан в Тевтонии и других местах, и что Николай Страсбургский, также доминиканец, пользуясь своим статусом папского визитатора, поощряет ересь Экхарта. 26 мая 1328 г. свой трактат под названием *Tractatus contra Benedictum*, направленный против "Книги божественного утешения" и против учения Экхарта в целом, опубликовал Уильям Оккам[16]. Анализируя высказывания Экхарта, Оккхам приходит к выводу, что они абсурдны, при этом с сожалением замечая, что у подобных глупостей в Германии нашлось много сторонников как среди мирян, мужчин и женщин, так и среди монахов, в том числе даже среди братьев-миноритов.

Однако, как и в Кёльне, богословский аспект в данном случае играл второстепенную роль; определяющим был фактор заботы о душах простых верующих, которые из-за непонимания тонкостей богословского языка могут впасть в ересь. Наиболее ярким примером тому служит оценка комиссией доктрины Экхарта о вечности всех вещей в Боге. В принципе, высказывания Экхарта по этому поводу несложно было истолковать, опираясь на неоплатонизм в духе Августина, определившего местопребыванием платоновских идей божественный разум, и ряд положений Альберта Великого и Фомы Аквинского, вполне догматически правильно: все сотворенные вещи содержатся в Боге в качестве *exempla* как в своем вечном прообразе (*exemplar*). Несомненно, экземпляризм Экхарта предполагал именно такое понимание, и впоследствии это положение подробно развил в своем сочинении "Книга Истины" выступивший в защиту своего учителя ученик Экхарта Генрих Сузо. Тем не менее рецензентов и комиссию интересовали вовсе не новые горизонты открывающегося в текстах Экхарта догматического смысла, не новые интерпретации таких авторитетов, как Августин и Фома Аквинский, а опасность того, что новое богословие может подкрепить новые ереси и сбить с толку неученых людей. Поэтому положение о вечности всех вещей в Боге и было истолковано наиболее примитивным и одно-

временно самым непротиворечивым образом, т.е. как учащее о вечности сотворенного мира, что звучало уже как явная ересь. Аналогичным образом были рассмотрены и другие тезисы Экхарта. В конце концов, после длительных разбирательств комиссией было признано, что все рассмотренные ей высказывания Экхарта "так, как они звучат" (*prout verba sonant*), еретичны. Иначе говоря, богословские новации Экхарта были сочтены нецелесообразными и опасными для распространения посредством проповеди в широкой народной среде.

Окончательный приговор по делу Экхарта был опубликован 27 марта 1329 г. в виде папской буллы *In agro dominico*[17]. Общее осуждение Экхарта сформулировано в этом документе уже в преамбуле: "С болью извещаем Мы, что в настоящее время некто из немецких земель именем Экхарт, называющийся доктором и профессором Священного Писания, монах ордена братьев-проповедников, возжелал знать больше, чем это необходимо. Движимый отнюдь не благоразумием и измеряя свои усилия отнюдь не верою, отвратил он свое ухо от истины и занялся неуемным сочинительством басен. Совращенный отцом всяческого зла, который часто, чтобы распространить темный и ужасный чувственный мрак, принимает облик ангела света, этот беспутный человек, вместо лучезарнейшей истины веры, сеял и усердно взращивал на поле церковном тернии и волчцы, колючий чертополох и ядовитый терн. Своими учениями он затуманил во многих сердцах истинную веру. И произносил он свои поучения главным образом во время проповедей перед простым народом, а некоторые записал также в виде отдельных сочинений" ("*Sane dolenter referimus, quod quidam his temporibus de partibus Theutonie, Ekardus nomine, doctorque ut fertur sacre pagine, ac professor ordinis fratrum Predicatorum, plura voluit sapere quam oportuit et non ad sobrietatem neque secundum mensuram fidei, quia a veritate auditum avertens ad fabulas se convertit. Per illum enim patrem mendacii, qui se frequenter in lucis angelum transfigurat, ut obscuram et terram caliginem sensuum pro lumine veritalis effundat, homo iste seductus, contra lucidissimam veritatem fidei in agro ecclesie spinas et tribulos germinans ac nocivos carduos et venenosos palliuros producere satagens, dogmatizavit multa fidem veram in cordibus multorum obnubilantia, que docuit quammaxime coram vilgo simplici in suis predicationibus, que etiam redegit in scriptis*".)

В качестве 26 основных и 2 дополнительных булла содержит 28 статей обвинения. Эти статьи представляют собой высказывания Экхарта, взятые из его комментариев на ветхозаветные книги Бытия, Исход и Премудрость, из комментария на Евангелие от Иоанна, из "Книги божественного утешения" и связанной с ней проповеди "О благородном человеке", а также из других немецких проповедей, и отражающие его основные концепции, которые были обвинены в ереси и рассматривались на процессе в Кёльне и судом консистории в Авиньоне. Перечень статей буллы выглядит следующим образом:

Статья 1. На все вопросы о том, почему Бог сотворил мир не как нечто новое, он (Экхарт) отвечал, что тогда, подобно тому, как это имеет место и теперь, Бог не мог создавать мир заново, потому что никакая вещь не может производить что-либо, прежде чем она сама не возникнет. Из чего Бог существовал, из того Он и творил мир.

Статья 2. Также возможно признать, что мир существовал извечно.

Статья 3. Также постоянно [он говорил], что как Бог существует и как Он рождает Сына, совечного Себе и во всем соравного Богу-Отцу, точно так же Он творит мир.

Статья 4. Также во всех трудах своих [он писал], что и зло – как в смысле совершенного зла, так и небольшого прегрешения – в своем проявлении и излучении равно Славе Божией.

Статья 5. Также порочность, греша пороком, самой своей порочностью прославляет Бога; и потому тот, кто сильно порочен и тяжко грешит, прославляет Бога более других.

Статья 6. Также и тот, кто хулит самого Бога, славит Бога.

Статья 7. Также и тот, кто в своем устремлении стремится ко злу и делает всяческое зло, стремится делать добро и исполнять волю Божью; отрицая себя, он встает на сторону Бога.

Статья 8. Те, кто не стремятся ни к приобретению вещей, ни к почестям, ни к владению имуществом, ни к почитанию соотечественниками, ни к святости, ни к награде за праведность, ни к Царствию Небесному, но отказываются от всего этого, а также от того, что принадлежит им, в этих людях возвеличивается Бог.

Статья 9. Я прежде думал, хочу ли я получить от Бога нечто или желать чего-то. Теперь же мне более всего хочется думать о том, что поскольку я воспринимаю бытие от Бога, постольку становлюсь бытием при Нем или в Нем, будучи в одном лице как бы слугой и рабом [Его] и Господом. Таким образом, мы не должны [стремиться] к бытию в вечной жизни.

Статья 10. Мы полностью преображаемся в Боге и изменяемся в нем; подобным же образом и хлеб в таинстве [причастия] изменяется в Тело Христово: таким образом, я – действователь в Боге, и, действуя в Нем, становлюсь единым с Его бытием, а не просто уподобляюсь Ему. Ибо в отношении Живого Бога истинно то, что в Нем нет никаких различий.

Статья 11. Что Бог-Отец дал Сыну Своему Единородному в человеческой природе, то Он целиком дал и мне: здесь я не делаю никакого исключения – ни в единстве, ни в святости, – но все это Он целиком дал мне, т.е. Себе.

Статья 12. Все, что говорит Св. Писание о Христе, все это в полной мере истинно и в отношении совершенно благого и божественного человека.

Статья 13. Все, что отличает божественную природу, то в полной мере характеризует и праведного и божественного человека.

Вследствие этого человек этот действует во всем точно так же как Бог; заодно с Богом сотворил он небо и землю, и рождает вечное Слово; Бог же без такого человека не знает, что и делать.

Статья 14. Благой человек должен так согласовывать свою волю с волей Божественной, чтобы совершенно исчезнуть в воле Бога. Ибо если Бог захочет, чтобы я каким-то образом согрешил, я не стану желать того, чтобы не совершить греха; и в этом состоит истинное раскаяние.

Статья 15. Если человек совершает тысячу смертных грехов, но если такой человек правильно упорядочен, то он не должен хотеть не совершать эти грехи.

Статья 16. Бог как таковой не предписывает внешнего действия.

Статья 17. Внешнее действие не является в собственном смысле ни благим, ни божественным; сам Бог как таковой не действует и не создает ничего внешним образом.

Статья 18. Будем стяжать плоды не внешних дел, не делающих нас благими, но плоды дел внутренних, которые Отец постоянно творит и производит в нас.

Статья 19. Бог любит душу, а не внешнее творение.

Статья 20. Благой человек есть единородный сын Божий.

Статья 21. Благородный человек есть тот единородный сын Божий, которого Отец родил в вечности.

Статья 22. Отец рождает меня сыном Своим, всегда одним и тем же сыном. Ибо все, что ни производит Бог, все это едино, и по этой самой причине он рождает и меня сыном Своим без многочисленных отличий.

Статья 23. Бог един по всем способам Своего существования и согласно всем видам Его понимания таким образом, что в Нем самом невозможно допускать какое-либо множество ни в уме, ни вне ума; кто же усматривает в Нем двойственность либо различие, Бога не видит, ибо Бог един, Он вне множества и над множеством, и Он не находится в своем единстве рядом с чем-либо еще. Следовательно, в самом Боге никакое различие не может ни существовать, ни мыслиться.

Статья 24. Всякое различие чуждо Богу: и различие в природе, и различие в Лицах. Отсюда очевидно, что природа сама по себе едина и образует единство и что любое Лицо едино и образует то же самое единство, что и природа.

Статья 25. Смысл реченного "Симон, любишь ли ты Меня больше, нежели они?" (Ин. 21.15) состоит в том, что Симон, любящий Бога больше, чем других людей, благ, но не совершенен. Ибо степень и порядок, большее и меньшее существуют в первом и втором, в Едином же нет ни степеней, ни порядка. Итак, кто любит Бога больше, нежели ближнего своего, благ, но не совершенен.

Статья 26. Все творения – это одно чистое ничто. Я не говорю, что они ничто в той илй иной степени, но что они – одно чистое ничто.

Помимо упомянутых предметов, Экхарт сказал, что он признает в числе своих высказываний и положения двух других статей:

Статья 1. В душе есть нечто несотворенное и нетворимое; и если вся душа оказывается таковой, т.е. несотворенной и нетворимой, то она является умом.

Статья 2. Что Бог не благ ни просто, ни в большей, ни в высочайшей степени. Таким образом, я говорю дурно, если называю Бога благим, как если бы я назвал белое черным.

Primus articulus. Interrogatus quandoque, quare deus mundum non prius produxerit, respondit tunc, sicut nunc, quod deus non potuit primo producere mundum, quia res non potest agere, antequam sit; unde quamcito deus fuit, tamcito mundum creavit.

Secundus articulus. Item concedi potest mundum fuisse ab eterno.

Tertius articulus. Item simul et semel, quando deus fuit, quando filium sibi coeternum per onmia coequalem deum qenuit, etiam mundum creavit.

Quartus articulus. Item in omni opere, etiam malo, malo inquam tam pene, quam culpe, manifestature et relucet equaliter gloria dei.

Quintus articulus. Item vituperans quempiam vituperio ipso peccato vituperi laudat deum, et quo plus vituperat et gravius peccat, amplius deum laudat.

Sextus articulus. Item deum ipsum quis blasphemando deum laudat.

Septimus articulus. Item quod petens hoc aut hoc malum petit et male, quia negationem boni et negationem dei petit, et orat deum sibi negari.

Octavus articulus. Qui non intendunt res, nec honores, nec utilitatem, nec devotionem internam, nec sanctitatem, nec premium, nec regnum celorum, sed omnibus hiis renuntiaverunt, etiam quod suum est, in illis hominibus honoratur deus.

Nonus articulus. Ego nuper cogitavi, utrum ego vellem aliquid recipere a deo vel desiderare: ego volo de valde ben deliberare, quia ubi ego essem accipiens a deo, ibi essem ego sub eo vel infra eum, sicut unus famulus vel servus, et ipse sicut dominus in dando, et sic non debemus esse in eterna vita.

Decimus articulus. Nos transformamur totaliter in deum et convertimur in eum; simili modo, sicut in sacramento panis convertitur in corpus Christi: sic ego convertor in eum, quod ipse me operatur suum esse unum, non simile; per viventem deum verum est, quod ibi nulla est distinctio.

Undecimus articulus. Quicquid deus pater dedit filio suo unigenito in humana natura, hoc totum dedit michi: hic nihil excipio, nec unionem nec sanctitatem, sed totum dedit michi sicut sibi.

Duodecimus articulus. Quicquid dicit sacra scriptura de Christo, hos etiam totum verificatur de omni bono et divino homine.

Tertiusdecimus articulus. Quicquid proprium est divine nature, hoc totum proprium est homini iusto et divino: propter hos iste homo operatur quicquid deus operatur, et creavit una cum deo celum et terram, et est generator verbi eterni, et deus sine tali homine nesciret quicquam facere.

Quartusdecimus articulus. Bonus homo debet sic conformare voluntatem suam voluntati divine, quod ipse velit quicquid deus vult: quia deus

vult aliquo modo me peccasse, nollem ego, quod ego peccata non commisissem, et hec est vera penitentia.

Quintusdecimus articulus. Si homo commisissel mille peccata mortalia, si talis homo esset recte dispositus, non deberet velle se ea non commisisse.

Sextusdecimus articulus. Deus proprie non precipit actum exteriorem.

Decimusseptimus articulus. Actus exterior non est proprie bonus nec divinus, nec operatur ipsum deus proprie neque parit.

Decimusoctavus articulus. Afferamus fructum actuum non exteriorum, qui nos bonos non faciunt, sed actuum interiorum, quos pater in nobis manens facit et operatur.

Decimusnonus articulus. Deus animas amat, non opus extra.

Vicesimus articulus. Quod bonus homo est unigenitus filius dei.

Vicesimusprimus articulus. Homo nobilis est ille unigenitus filius dei, quem pater eternaliter genuit.

Vicesimussecundus articulus. Pater generat me suum filium et eundem filium. Quicquid deus operatur, hoc est unum, propter hoc generat ipse me suum filium sine omni distinctione.

Vicesimusterius articulus. Deus est unus omnibus modus et secundum omnem rationem, ita ut in ipso non sit invenire aliquam multitudinem in intellectu vel extra intellectum; qui enim duo videt vel distinctionem videt, deum non videt, deus enim unus est extra numerum et supra numerum, nec ponit in unum cum aliquo. Sequitur: nulla igitur distinctio in ipso deo esse potest aut intelligi.

Vicesimusquartus articulus. Omnis distinctio est a deo aliena, neque in natura neque in personis; probatur: quia natura ipsa est una et hoc unum, et quelibet persona est una et id ipsum unum, quod natura.

Vicesimusquintus articulus. Cum dicitur: Simon diligis me plus hiis? sensis est, id est, plusquam istos, et bene quidem, sed non perfecte. In primo enim et secundo et secundo et plus et minus et gradus est et ordo, in uno autem nec gradus est nec ordo. Qui igitur diligit deum plus quam proximum, bene quidem, sed nondum perfecte.

Vicesimussextus articulus. Omnes creature sunt unum purum nichil: non dico, quod sint quid modicum vel aliquid, sed quod sint unum purum nichil.

Objectum preterea extitit dicto Ekardo, quod predicaverat alios duos articulos sub hiis verbis:

Primus articulus. Aliquid est in anima, quod est increatum et increabile; si tota anima esset talis, esset increata et increabilis, et hoc est intellectus.

Secundus articulus. Quod deus non est bonus neque melior neque optimus; ita male dico, quandocunque voco deum bonum, ac si ego album vocarem nigrum.

Защита Экхарта, по-видимому, имела некоторый успех, так как консистория несомненно еретическими признала только часть высказываний (пункты 1–15 и 27–28; последние фигурируют в булле как дополнительные статьи 1 и 2), в то время как остальные тезисы

(с 16 по 26) были сочтены лишь "дурно высказанными, дерзкими и могущими ввести в ересь"; при этом добавлялось, что "при надлежащем разъяснении и дополнении они могут приобрести и иметь вполне католический смысл" (*"licet cum multis expositionibus et suppletionibus sensum catholicum formari valeant vel habere"*).

В заключение буллы было сказано следующее: "Тем, кто слышал вышеперечисленные статьи в проповедях либо поучениях, и всем другим людям, знающим о них, Мы объявляем, что, как это подтверждено официальной грамотой, вышеназванный Экхарт в конце своей жизни открыто исповедался в католической вере и отрекся от 26 вышеперечисленных статей, в проповеди которых он сознался. Отрекся он также и от всего прочего, что он написал и чему учил в школах и проповедях и что может произвести в умах верующих еретический либо ошибочный и противоречащий истинной вере смысл (где этот смысл присутствует). И настолько он казался раскаявшимся и полным желания отречься от своих заблуждений, что когда отрекался от каждой из статей в отдельности, то выразил свою покорность приговору Апостольского Престола и Нашему относительно всех своих сочинений и высказываний" *("Porro tam illis, apud quos prefati articuli predicati seu dogmatizati fuerunt, quam quibuslibet aliis, ad quorum devenere notitiam, volumus notum esse, quod, prout constat per publicum instrumentum inde confectum, prefatus Ekardus in fine vite sue fidem catholicam profitens predictos vigintisex articulos, quos se predicasse confessus extitit, necnon quecumque alia per eum scripta et docta, sive in scolis sive in predicationibus, que possent generare in mentibus fidelium sensum hereticum vel erroneum ac vere fidei inimicum, quantum ad illum sensum revocavit ac etiam reprobavit et haberi voluit pro simpliciter et totaliter revocatis, ac si illos et illa singillatim et singulariter revocasset, determinationi apostolice sedis et nostre tam se quam scripta sua et dicta omnia summittendo".)*

Что подразумевает папская булла в данном случае под "отречением" Экхарта, не совсем понятно. Если имеется в виду заявление от 13 февраля 1327 г. в Кёльне, то риторика буллы сильно искажает содержание этого документа. Но возможно также, что речь идет об отречении в Авиньоне, сделанном смертельно больным Экхартом незадолго до своей кончины. Однако текст этого отречения не сохранился. В любом случае эта цветистая риторика помогла Иоанну XXII добиться своей цели: осудить опасную, с его точки зрения, тенденцию в богословии и проповеди на народном языке и в то же время не поссориться с орденом доминиканцев, верным союзником папы в борьбе с Людвигом Баварским. Ересь строго осуждена, но раз Экхарт глубоко и чистосердечно покаялся (булла фиксирует это как юридический факт; как было в действительности, мы не знаем), то персональную ответственность никто не несет.

Обвинения, выдвинутые в Кёльне против Николая Страсбургского, были сразу отклонены папой как безосновательные; впро-

чем, чтобы не провоцировать новые конфликты, его лишили полномочий папского визитатора. В 1327 г. Николай Страсбургский участвовал в заседании генерального капитула доминиканского ордена в Перпиньяне. О последних годах его жизни известно мало. Судя по всему, он остался в Кёльне лектором доминиканского конвента. Есть также свидетельства о кратковременном пребывании Николая Страсбургского во Фрайбурге.

Текст буллы, осудившей учение Экхарта, вовсе не предназначался для широкого опубликования и распространения по всем епархиям. Такой документ, как булла, этого и не предполагал. Единственный оригинал, подписанный папой, был сдан в архив и скоро забыт. Спустя какое-то время никто уже в Германии точно и не помнил, за что именно осудили Экхарта. В других же странах о процессе над Экхартом и его осуждении даже и не слышали. Широко обнародована булла была лишь в Кёльнской епархии, т.е. там, где существовала опасность распространения "ереси Экхарта". 15 апреля 1329 г. копия булла была специально послана Иоанном XXII Кёльнскому архиепископу с предписанием обнародовать содержание документа "торжественным образом (т.е. огласить в храмах после литургии. – *М.Х.*), дабы избавить сердца легковерных простецов, в особенности тех из них, пред которыми Экхарт проповедовал при жизни что-либо из упомянутых [в булле] статей, от заразы экхартовых заблуждений". Не вызывает сомнения, что архиепископ Генрих исполнил это предписание самым пунктуальным образом. По-видимому, латинский текст буллы был для этой цели переведен на немецкий язык, но никаких свидетельств этого не сохранилось. Сочинения Экхарта постарались изъять из библиотек. Доминиканцы были вынуждены вычеркнуть его имя из списка рекомендованных братьям-проповедникам для чтения и духовного образования книг.

Майстер Экхарт не дожил до вынесения ему приговора. Как полагают, он скончался в Авиньоне ранней весной 1328 г.

[1] См.: *Denifle H.* Der Plagiator Nicolaus von Straßburg // Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters. Bd. 4: 1888. S. 315.

[2] См.: *Trusen W.* Der Prozeß gegen Meister Eckhart: Vorgeschichte, Verlauf und Folgen. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1988. S. 71 (Rechts- und Staatswissenschaftliche Veröffentlichungen der Görres-Gesellschaft. N.F.; H. 54).

[3] См.: *Welte B.* Meister Eckhart: Gedanken zu seinen Gedanken. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1979. S. 252.

[4] См.: Soest, Stadtarchiv und wissenschaftliche Stadtbibliothek. Cod. 33. F. 45ra–58ra.

[5] См.: Apologia doctae ignorantiae / Ed. R. Klibansky // Opera omnia. 1932. T. II. P. 25. Рус. пер. см.: *Николай Кузанский.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1980. Т. 2. С. 23–26.

[6] См.: *Daniels A.* Eine lateinische Rechtfertigungsschrift des Meisters Eckhart. Münster, 1923.

[7] См.: Edition critique des pièces relatives au procès d'Eckhart contenues dans le manuscrit 33b de la bibliothèque de Soest / Ed. G. Théry // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. 1926–1927. Vol. 1. P. 129–268.

[8] См.: Acta Echardiana. Secunda pars. Processus contra mag. Echardium // Eckhart M. Die deutschen und lateinischen Werke. Die lateinischen Werke / Hrsg. v. L. Sturlese. Stuttgart: Kohlhammer, 1988. Bd. V. S. 195–240 (L W V 195–240).

[9] *Trusen W.* Op. cit.

[10] Ep. 60, PL 22, 589.

[11] Clem. VI. 5.2.11.

[12] Clem. X.5.7.9.

[13] См.: *Koch J.* Die Verteidigung der Theologie des hl. Thomas von Aquin durch den Dominikanerorden gegenüber Durandus de S. Porciano O.P. // Xenia Thomistica. Festschrift anl. d. 600j. Kanonisationsjubiläums des hl. Thomas von Aquin. 1925. Bd. III. S. 327–362. (-Kl. Schriften. Bd. II. S. 127–168); *Idem.* Durandus de S. Porciano O.P. Forschungen zum Streit um Thomas von Aquin zu Beginn des 14. Jahrhunderts // Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie des Mittelalters. 26/I. 1927; *Idem.* Die Magister-Jahre des Durandus de S. Porciano O.P. und der Konflikt mit seinem Orden // Miscellanea Francesco Ehrle, Studi e Testi. 37. Rom, 1924. Vol. I. P. 265–306 (Kl. Schriften. Bd. II. S. 7–118).

[14] *Trusen W.* Op. cit. S. 113.

[15] Немногочисленные сохранившиеся во фрагментах документы процесса над Экхартом в Авиньоне опубликованы: *Pelster F.* Ein Gutachten aus dem Eckhart-Prozeß in Avignon // Aus der Geisteswelt des Mittelalters: Studien und Texte. M. Grabmann zur Vollendung des 60. Lebensjahres von Freunden und Schülern gewidmet. Münster, 1935. S. 1099–1124; *Laurent M.H.* Autour du procès de Maître Eckhart. Les documents des Archives Vaticanes // Divus Thomas. Ser. III. 1936. Vol. 13. P. 331–348, 430–447; *Koch J.* Kleine Schriften. Rom, 1973. Bd. I. S. 312 ff. (Storia e Letteratura. Raccolta di Studi e Testi; 127).

[16] Guillelmi de Ockham Opera politica / Ed. H.S. Offler. P. 1956. T. III. P. 251f.

[17] Текст буллы см.: *Denifle H.S.* Meister Eckharts lateinische Schriften und die Grundanschauung seiner Lehre // Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters. Bd. 2. 1886. S. 636–640.

LIBER DE DUOBUS PRINCIPIIS

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Перед Вами, уважаемый читатель, первая книга одного из самых интересных сочинений, принадлежащих кругу катарской литературы. Это – не апокрифический апокалипсис и не требник, а почти схоластическое рассуждение на тему начал мироздания.